

А.Н. Малинкин

Что может быть прекраснее безобразного?

Эссе с редакторской правкой Г.С. Батыгина

Александр Николаевич Малинкин — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. **Адрес:** Москва, ул. Кржижановского, 24/35, ком. 419. **Телефон:** +7 (499) 120-8257. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru.

Аннотация: В эссе, написанном в 1989 г., рассматривается социальный феномен, новый для культуры позднего СССР, — эстетизация безобразного, аморального, злого и вообще всего, что ранее не выходило в открытой публичной форме на поверхность общественной жизни. Феномен квалифицируется как симптом болезненной социально-психологической ломки, происходившей в советском обществе на исходе «перестройки». Эссе выражает *l'esprit du temps* и предчувствие скорых радикальных изменений. Замечания на полях профессора Г.С. Батыгина делают эссе документом истории российской академической социологии.

Ключевые слова: перестройка, поэтизация безобразного, человеческий этос, Геннадий Семенович Батыгин, история российской академической социологии

Для цитирования: Малинкин, А.Н. Что может быть прекраснее безобразного? Эссе с редакторской правкой Г.С. Батыгина // Пути России. 2023. Том. 1. № 1. С. 84–103.

ЭССЕ БЫЛО НАПИСАНО весной 1989 г. Прежде чем предлагать его куда-либо к публикации, я решил дать его на прочтение старшему товарищу — Г.С. Батыгину. Он ознакомился с ним, оставил на полях карандашом свои замечания, написал ободряющий отзыв. Мнением «патрона» я дорожил, и, конечно, учёл бы его замечания, чтобы доработать эссе. Но вмешались обстоятельства форс-мажорного характера: надо было срочно собирать документы для оформления стажировки в ФРГ. Эссе было отложено в долгий ящик и капитально забыто. В середине 1990-х, обнаружив его среди бумаг, я посчитал, что оно выглядит как-то наивно и, главное, утратило актуальность, «морально устарело». Вот почему оно не было доработано и не было опубликовано. Возможно, тогда я был прав. Но сегодня мне кажется, что эссе о поэтизации безобразного в сфере культуры как симптоме болезненной ломки советского общества не такое уж и наивное. Написанное в преддверии распада СССР и тектонических геополитических сдвигов, оно содержит в себе их тревожное предощущение — пусть лишь в форме интуитивных догадок, выраженных в риторических вопросах. В нём запечатлён дух переломного времени. На мой взгляд, эссе является документом истории академической социологии и прежде всего потому, что к его тексту прикоснулась рука Г.С. Батыгина.

А. Н. Малинкин

"Что может быть прекраснее безобразного?"*(Социологическое эссе)*

Не так давно в нашем искусстве и культуре, прежде всего молодежной, явно обозначилась одна тенденция¹. Она сразу приобрела массовый характер, какого не имела и не имеет на Западе, где появилась раньше. Речь идет о поэтизации безобразного. Особенно ярко она представлена в панк-стиле. Перестройка, принеся либерализацию в сфере культуры и нравов, только открыла шлюзы. Все, что хлынуло через них мутным потоком, у нас уже было. И в избытке.

Выражается эта тенденция различным образом. Посмотрели Вы, например, несколько последних кинофильмов отечественного производства, сходили на выставку художников, почитали "молодых" писателей и поэтов - и вдруг замечаете, что несмотря на достоинства (в первую очередь свежесть взгляда, гражданскую смелость, стремление к оригинальности) увиденное и прочитанное в большинстве случаев оставляет неприятный осадок, иногда отвращение, как если бы Вам в рот сунули пару пальцев! А главное, Вы чувствуете: авторы не "виноваты", они хотели "как лучше" и сделали все, что могли, честно показывая мир, каким его видят.

В особенности это характерно для рок-музыки, образующей ядро, сердцевину молодежной культуры. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Вот первые слова песни, с которой начинается кассета "Антарктический смерч" (1988) рок-группы "Наутилус-помпилиус" - одной из наиболее популярных сегодня:

*Мясники выпили море пива. Мясники слопали горы сала.
Мясники трахнули целый город. Им этого мало, им этого мало.
И когда, когда надвигается буря, они смотрят,
где лучше расставить кресла, чтобы видеть,
как антарктический смерч свинтит нам руки и вырвет нам кресла.*

1. Относительность деления культуры на "взрослую" и "молодежную" несомненна так же, как и относительная независимость молодежной субкультуры. При этом я вполне допускаю, что "взрослые" творцы культуры вносят в развитие последней не меньший (если не больший) вклад, чем "молодые".

Что может быть прекраснее безобразного?!

Социологическое эссе

Не так давно в нашем искусстве и культуре, **прежде всего молодежной**, явно обозначилась одна тенденция¹. Она сразу приобрела массовый характер, какого не имела и не имеет на Западе, где появилась раньше. Речь идет о поэтизации безобразного. Особенно ярко она представлена в панк-стиле. Перестройка, принеся либерализацию в сфере культуры и нравов, только открыла шлюзы. Все, что хлынуло через них мутным потоком, у нас уже было. И в избытке.

Выражается эта тенденция различным образом. Посмотрели вы, например, несколько последних кинофильмов отечественного производства, сходили на выставку художников, почитали «молодых» писателей и поэтов — и вдруг замечаете, что несмотря на достоинства (в первую очередь свежесть взгляда, гражданскую смелость, стремление к оригинальности) увиденное и прочитанное в большинстве случаев оставляет неприятный осадок, иногда отвращение, **как если бы вам в рот сунули пару пальцев**. А главное, вы чувствуете: авторы не «виноваты», они хотели «как лучше» и сделали все, что могли, честно показывая мир, каким его видят.

Мне кажется это очень паскудно, хотя и вписывается в контекст.

В особенности это характерно для рок-музыки, образующей ядро, сердцевину молодежной культуры. **Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров**. Вот первые слова песни, с которой начинается кассета «Атлантический смерч» (1988) рок-группы «Наутилус-помпилиус» — одной из наиболее популярных сегодня:

Мясники выпили море пива. Мясники слопали горы сала.
Мясники трахнули целый город. Им этого мало, им этого мало.
И когда, когда надвигается буря, они смотрят,
Где лучше расставить кресла, чтобы видеть,
Как антарктический смерч свинтит нам руки и вырвет нам чресла.

Написание?

¹ Относительность деления культуры на «взрослую и «молодежную» несомненна так же, как и относительность молодежной субкультуры. При этом вполне допускаю, что «взрослые» творцы культуры вносят в развитие последней не меньший (если не больший) вклад, чем «молодые».

*Ну! Разденься! Выйди на улицу голой!
И я подавлю свою ревность, если так нужно для дела. Разденься!
Хэй! Пусть они удивятся. Пусть сделают вид, что не видят тебя.
Но им ни за что не забыть...*

Но это - милый детский лепет по сравнению с тем, что Вы можете увидеть на концерте группы "Звуки Му". Солист группы, отличный мим, так искусно имитирует погути безобразного занята в нашем мировоззрении место прекрасного, что, кажется, это уже и не пародия, а вы попросту от жизни отстали и не заметили, как в обществе сместилась граница между нормой и патологией.

"А может быть и в самом деле так?", закрадывается вопрос, когда анализируешь изменения в культуре, адресованной детям². Все чаще в мультфильмах, в развлекательных шоу-программах, представлениях, телепередачах для детей (читают они все меньше и меньше) стали появляться разные симпатичные монстры - дракончики, динозаврики, крысы, змеи, крокодилы, пауки, тараканы, черви и прочая братия, которая никогда раньше на публику у нас не выползала, предпочетая оставаться по темным углам квартир и подсознания.

Одновременно идет процесс "реабилитации" сказочных персонажей, которые традиционно считались "злыми" и "жестокими" (волк, баба-яга, змей-горыныч), "хитрыми" и "лживыми" (лиса, ворона), "тупыми" и "неблагодарными" (свинья). Конечно, и в сказках эти герои неоднозначно "отрицательны". Однако сегодня, как мне кажется, саму эту неоднозначность понимают не традиционно, стирая грань между добром и злом. В каждой народной сказке эта грань всегда образует смысловую основу.

Довольно примеров, их много. Попробуем осмыслить и, по-возможности, объяснить их с социологической точки зрения, не впадая в вульгарный социологизм.

Чтобы быть правильно понятым, скажу прямо: морализаторство под личиной научности - не для меня. Метод мой прост и не содержит в себе ничего нового. Я констатирую "социальный факт" - феномен, тенденцию - и пытаюсь понять его, используя все доступные средства. Понимание объяснению не противоречит, но в определенном смысле предшествует ему, т.к. прежде

2. Неизменным остается только производство игрушечного оружия. Милитаризация детской игрушки зашла у нас чересчур далеко. Пора детей разоружать.

Что может быть прекраснее безобразного? Эссе с редакторской правкой Г. С. Батыгина

Ну! Разденься! Выйди на улицу голой!
И я подавлю свою ревность, если так нужно для дела. Разденься!
Хэй! Пусть они удивятся. Пусть сделают вид, что не видят тебя.
Но им ни за что не забыть...

Но это милый детский лепет по сравнению с тем, что вы можете увидеть на концерте группы «Звуки Му». Солист группы — отличный мим — так искусно имитирует потуги безобразного занять в нашем мировоззрении место прекрасного, что кажется, это уже и не пародия, а вы попросту от жизни отстали и не заметили, как в обществе сместилась граница между нормой и патологией.

«А может быть и в самом деле так?», закрадывается вопрос, когда анализируешь изменения в культуре, адресованной детям². Всё чаще в мультфильмах, в развлекательных шоу-программах, представлениях, телепередачах для детей (читают они всё меньше и меньше) стали появляться разные симпатичные монстры — дракончики, динозаврики, крысы, змеи, крокодилы, пауки, тараканы, черви и прочая братия, которая никогда раньше на публику у нас не выползала, предпочитая оставаться по темным углам квартир и подсознания.

Одновременно идет процесс «реабилитации» сказочных персонажей, которые традиционно считались «злыми» и «жестокими» (волк, баба-яга, змей-горыныч), «хитрыми» и «лживыми» (лиса, ворона), «тупыми» и «неблагодарными» (свинья). Конечно, и в сказках эти герои неоднозначно «отрицательны». Однако сегодня, как мне кажется, саму эту неоднозначность понимают не традиционно, стирая грань между добром и злом. В каждой народной сказке эта грань всегда образует смысловую основу.

Довольно примеров, их много. Попробуем осмыслить и, по возможности, объяснить их с социологической точки зрения, не впадая в вульгарный социологизм.

Чтобы быть правильно понятым, скажу прямо: морализаторство под личиной научности — не для меня. Метод мой прост и не содержит в себе ничего нового. Я констатирую «социальный факт» — феномен, тенденцию — и пытаюсь понять его, используя все доступные средства. Понимание объяснению не противоречит, но в определенном смысле предшествует ему, так как прежде чем строить каузальные цепочки, необходимо сформировать ряды ана-

Здесь имитируются не потуги, а инферальность, самодостаточность безобразного как антиценности.

Во «взрослой» культуре безобразного не меньше. Может быть лучше дать этот фрагмент как частный случай — в детской культуре расшифровывается взрослый мир.

² Неизменным остается только производство игрушечного оружия. Милитаризация детской игрушки зашла у нас чересчур далеко. Пора детей разоружать.

чем строить каузальные цепочки, необходимо сформировать ряды аналогий - выбрать то, что при дальнейшем исследовании может быть отнесено к ряду причин и ряду следствий. Конечно, объяснение углубляет предворяющее "понимание" или даже в корне меняет его. Но с самого начала, при выборе нельзя избежать того, что Макс Вебер назвал "отнесением к ценностям". Главное - избежать "оценочных суждений", не впасть в морализаторство или вкусовой снобизм. Насколько это удастся, судить, однако, не мне.

Для социолога поэтизация безобразного - симптом реальных изменений, происходящих в стране в последние годы и охвативших все социальные подсистемы общества. Причем изменений не столько в общественном сознании, сколько в самом бытии людей. Ведь массовая трансформация вкуса - а именно с ней мы имеем дело - процесс не только сознательный, интеллектуальный, сколько витально-бессознательный.

Было бы упрощением полагать, что описанная тенденция - результат распространения видеотехники. Являясь опредмеченным социальным отношением, техника выполняет функцию катализатора социокультурных процессов, существовавших и до нее. Наивно думать, что из-за видеомagneтофонов нас мучают кошмары и порнофантазии.

Не логичнее ли предположить обратное: из-за того, что они нас мучают, нужны видеомagneтофоны? Правда, благодаря им мы увидели такое, что прежде нам и во сне не снилось. Однако факт упорного, неистребимого интереса у молодежи к фильмам ужасов и порнографии сам нуждается в объяснении.

Ряды аналогий очевидны для каждого.

Почему рок-певцы призывают нас "раздеться" на публике в то время, когда проходят первые в СССР конкурсы красоты и атлетизма, когда официально признано существование проституции?

Почему, когда началась разрядка в духе "нового политического мышления", а внутри общества пошли разговоры о плюрализме (правда, "социалистическом", при однопартийной системе), в кинофильмах, литературных произведениях, пьесах, песнях и т.д. появились в качестве "героев" персонажи, которые до этого даже в "отрицательных" не числились, как будто у нас их совсем не было - проститутки, инакомыслящие, спекулянты-фарцовщики, рэкетеры и т.п.; крысы, пауки, динозаврики, чертики и т.п.?

логий — выбрать то, что при дальнейшем исследовании может быть отнесено к ряду причин и ряду следствий. Конечно, объяснение углубляет предворяющее «понимание» или даже в корне меняет его. Но с самого начала, при выборе нельзя избежать того, что Макс Вебер назвал «отнесением к ценностям». Главное — избежать «оценочных суждений», не впасть в морализаторство или вкусовой снобизм. Насколько это удастся, судить, однако, не мне.

Мне кажется,
это Риккерт.

Для социолога поэтизация безобразного — симптом реальных изменений, происходящих в стране в последние годы и охвативших все социальные подсистемы общества. Причем изменений не столько в общественном сознании, сколько в самом бытии людей. Ведь массовая трансформация вкуса — а именно с ней мы имеем дело — процесс не только сознательный, интеллектуальный, сколько витально-бессознательный.

Было бы упрощением полагать, что описанная тенденция — результат распространения видеотехники. Являясь опредмеченным социальным отношением, техника выполняет функцию катализатора социокультурных процессов, существовавших и до неё. Наивно думать, что из-за видеомангитофонов нас мучают кошмары и порнофантазии.

Не логичнее ли предположить обратное: из-за того, что они нас мучают, нужны видеомангитофоны? Правда, благодаря им мы увидели такое, что прежде нам и во сне не снилось. Однако факт упорного, неистребимого интереса у молодежи к фильмам ужасов и порнографии сам нуждается в объяснении.

Ряды аналогий очевидны для каждого.

Почему рок-певцы призывают нас «раздаться» на публике в то время, когда проходят первые в СССР конкурсы красоты и атлетизма, когда официально признано существование проституции?

Слово «мучают» — не то. Здесь что-то вроде эстетического мазохизма. Вообще этот фрагмент — ответвление от темы. Может быть написать о массах медиа и информационных технологиях как носителях стереотипов безобразного?

Не годится. Наивно.

Почему, когда началась разрядка в духе «нового политического мышления», а внутри общества пошли разговоры о плюрализме (правда «социалистическом», при однопартийной системе), в кинофильмах, литературных произведениях, пьесах, песнях и т.д. появились в качестве «героев» персонажи, которые до этого даже в «отрицательных» не числились, как будто у нас их вовсе не было — проститутки, инакомыслящие, спекулянты-фарцовщики, рэкетеры и т. п.; крысы, пауки, динозаврики, чёртики и т. п.?

Почему в то время, когда разрешили «индивидуальную трудовую деятельность», когда впервые после НЭПа создаются кооперативы, акционерные общества, совместные

Саша! Мне кажется
здесь композицион-
ный сбой!

Почему в то время, когда разрешили "индивидуальную трудовую деятельность", когда впервые после НЭПа создаются кооперативы, акционерные общества, совместные с зарубежными странами предприятия и т.п., когда крестьян вот-вот обещают сделать хозяевами, нас как бы уверяют: да, волк - хищник, но не враг, он по-своему добряк, он живет среди нас и надо бы с ним ладить; свинья - не красавица, она, простите, роется в дерьме, но глядите, какая она деловая, у нее все есть, она безусловно полезна?

Почему именно сейчас, когда среди молодежи наблюдается невиданное ранее падение в наркоманию, токсикоманию, алкоголизм, мы видим на эстраде судорожную патологическую "ломку"?

Если попросту, не долго думая объявить все это результатом гласности, мы ничего по-существу не объясним. Гласность - только социально-демократическая форма, гражданская свобода, которую еще надо реализовать. Реализуют ее люди. Тут не уйти от вопроса о человеческом материале, который воплощается в культуре, объективирует свою духовную, интеллектуальную, душевную, психическую и телесную энергию в символических формах.

За очевидными аналогиями скрывается глубинный процесс переоценки ценностей. Если для "старших" это - передумывание, переосмысление (прожитого), то для "младших" это - переживание, перемена в чувстве реальности, доходящая до трансформации инстинктивных реакций.

Я неминуемо впал бы в вулгарный социологизм, если бы изменения в сфере культуры (обозначенные формулой "позитизация безобразного") начал выводить, например, только из экономических изменений в нашем обществе, или только политических, или только социальных. Даже совокупность реально-жизненных, бытийных отношений нельзя считать "причиной" культурных изменений в смысле классического детерминизма, поскольку нельзя отрицать автономию духа в культурной сфере. У "бытия" и "сознания" есть конкретный носитель, по отношению к которому содержание обеих понятий абстрактно, а их самодостаточность релятивируется. Таковым является человек.

В свете системной теории, в нашем обществе политические отношения - власть партийно-государственного аппарата - доминирует над экономическими, социальными и прочими. Следовательно, непосредственным источником всех возможных изменений в нашем обществе должны быть поколенчески обусловленные перемены этоса политически активных групп, прорвавшихся в "верхние эшелоны власти". Тем самым значимость

с зарубежными странами предприятия и т. п., когда крестьян вот-вот обещают сделать хозяевами, как бы уверяют: да, волк — хищник, но не враг, он по-своему добряк, он живёт среди нас и надо бы с ним ладить; свинья — не красавица, она, простите, роется в дерьме, но глядите, какая она деловая, у неё всё есть, она безусловна полезна?

Почему именно сейчас, когда среди молодёжи наблюдается невиданное ранее падение в наркоманию, токсикоманию, алкоголизм, мы видим на эстраде судорожную патологическую «ломку»?

Если попросту, не долго думая объявить всё это результатом гласности, мы ничего по-существу не объясним. Гласность — это только социально-демократическая форма, гражданская свобода, которую еще надо реализовать. Реализуют её люди. Тут не уйти от вопроса о человеческом материале, который воплощается в культуре, объективирует свою духовную, интеллектуальную, душевную, психологическую и телесную энергию в символических формах.

За очевидными аналогиями скрывается глубинный процесс переоценки ценностей. Если для «старших» это — передумывание (прожитого), то для «младших» это — переживание, перемена в чувстве реальности, доходящая до трансформации инстинктивных реакций.

Я неминуемо впал бы в вульгарный социологизм, если бы изменения в сфере культуры (обозначенные формулой «поэтизация безобразного») начал выводить, например, только из экономических изменений в нашем обществе, или только политических, или только социальных. Даже совокупность реально-жизненных, бытийных отношений нельзя считать «причиной» культурных изменений в смысле классического детерминизма, поскольку нельзя отрицать автономию духа в культурной сфере. У «бытия» и «сознания» есть конкретный носитель, по отношению к которому содержание обеих понятий абстрактно, а их самостоятельность релятивизируется. Таковым является человек.

В свете системной теории, в нашем обществе политические отношения — власть партийно-государственного аппарата — доминирует над экономическими, социальными и прочими. Следовательно, непосредственным источником всех возможных изменений в нашем обществе должны быть поколенчески обусловленные перемены этоса политически активных групп, прорвавшихся в «верхние эшелоны власти». Тем самым значимость хозяйственных, гражданских, культурных, национальных и прочих факторов общественной динамики отнюдь не преуменьшается.

Лишнее.

Саша! Здесь ты залетел в иное сюжетное пространство!

хозяйственных, гражданских, культурных, национальных и прочих факторов общественной динамики отнюдь не преуменьшается. Просто их влияние не может быть в нашем обществе непосредственным. Свое влияние, зачастую огромное, они оказывают на ход развития общества через посредство системообразующих - политических факторов (власти).

Исходя из такого понимания вещей, следует отказаться от жесткой философско-исторической схемы, по которой личности в истории всегда отводится одна и та же роль, независимо от конкретно-исторического типа системной организации общества. На примере стран "социалистического лагеря" мы видим, что "социалистический" тип общественной системы куда в большей мере, чем "капиталистический" зависит от поколенчески обусловленной смены руководства. А она влечет за собой смену политических лидеров, личности которых играли и играют существенную роль. "Революция сверху", возглавляемая М.С. Горбачевым - яркий тому пример.

Таким образом, подлинная "причина" зафиксированного нами "социального факта" - не политика, не экономика, не социальная сфера, не автономия духа в сфере культуры, а та эволюция человеческого этоса, которую он претерпел в ходе истории под влиянием перечисленных факторов, его новый модус. Что же с ним произошло?

Жестокая современность приоткрыла молодому поколению страшные тайны прошлого - и его, по горло сытого настоящим, вырвало! Оно смотрит в недоумении на свою блевотину и никак не может понять, чем оно отравилось?

Если раньше молодежь спасалась или в лютаргическом сне инфантилизма или в беготне карьеризма, протестовала либо развратом, либо игрой (а иногда не игрой) в диссидентство, то тогда она по крайней мере считала, пусть полусознательно, что "грешит" - "грешит" против каких-то не очень-то понятных и близких ей, но "светлых" идеалов будущего. Теперь такого сознания квазигреховности нет. Поколение отцов, разоблачая перед сыновьями поколение дедов и самих себя, как выразилась Нина Андреева, "поступилось принципами" - открыто поставило под сомнение идеалы и святость героев, творивших во имя них реальную историю. Сделав это, оно не дало взамен ничего, что могло бы сравниться по силе идеонаркотического воздействия с развенчанной утопией "рая на земле", кроме здравого стремления освободиться социально-демократически на правовой основе.

Просто их влияние не может быть в нашем обществе непосредственным. Своё влияние, зачастую огромное, они оказывают на ход развития общества через посредство системобразующих — политических факторов (власти).

Исходя из такого понимания вещей, следует отказаться от жестокой философско-исторической схемы, по которой личности в истории всегда отводится одна и та же роль, независимо от конкретно-исторического типа системной организации общества. На примере стран «социалистического лагеря» мы видим, что «социалистический» зависит от поколенчески обусловленной смены руководства. А она влечет за собой смену политических лидеров, личности которых играли и играют существенную роль. «Революция сверху», возглавляемая М. С. Горбачевым — яркий тому пример.

Таким образом, подлинная «причина» з фиксированного нами «социального факта» — не политика, не экономика, не социальная сфера, не автономия духа в сфере культуры, а та эволюция человеческого этоса, которую он претерпел в ходе истории под влиянием перечисленных факторов, его новый модус. Что же с ним произошло?

Жесткая современность приоткрыла молодому поколению страшные тайны прошлого — и его, по горло сытого настоящим, вырвало! Оно смотрит в недоумении на свою блевотину и никак не может понять, чем оно отравилось?

Если раньше молодёжь спасалась или в летаргическом сне инфантилизма или в беготне карьеризма, протестовала либо развратом, либо игрой (а иногда не игрой) в диссидентство, то тогда она по крайней мере считала, пусть полусознательно, что «грешит» — «грешит» против каких-то не очень-то понятных и близких ей, но «светлых» идеалов будущего. Теперь такого сознания квазигреховности нет. Поколение отцов, разоблачая перед сыновьями поколение дедов и самих себя, как выразилась Нина Андреева, «поступились принципами» — открыто поставило под сомнение идеалы и святость героев, творивших во имя них реальную историю. Сделав это, оно не дало взамен ничего, что могло бы сравниться по силе идеонаркотического воздействия с развенчанной утопией «рая на земле», кроме здорового стремления освободиться социально-демократически на правовой основе.

А ведь саморазоблачение с позиций здравого рассудка — не покаяние. Даже если оно искренне, оно выглядит не «эстетично». Чтобы быть красивым, саморазоблачению недостает священного ореола веры, надежды, любви — того, что придает одухотворенность. Неудивительно, что

Отличная идея!

Здесь написано очень логично и по существу.

А ведь саморазоблачение с позиций здравого рассудка - не покаяние. Даже если оно искренне, оно выглядит не "эстетично". Чтобы быть красивым, саморазоблачению не хватает священного ореола веры, надежды, любви - того, что придает одухотворенность. Неудивительно, что человека старой аскетической закалки может вырвать, когда перед ним с мыслью о славе, деньгах и заграничных вояжах, "разоблачаются" претендентки на титул королевы красоты, а молодого гедониста - от морального стриптиза людей с "непростыми" судьбами, со следами болезней на морщинистых лицах! Созерцание собственной блевотины - горькая неизбежность. Так устроен человеческий организм: глаза у нас спереди, на той же стороне, что и рот. Нельзя винить в этом молодежь. Надо помочь ей разобраться, чем же она отравилась.

Поэтизация безобразного знаменует собой первый этап очищения - освобождение общества и личности от т.н. "наследия сталинщины". Важно, однако, не остановиться на этом, пойти дальше демонстрации всего, что считалось "постыдным", "гадким", "крамольным", "очерняющим", "оскверняющим". Да, мы открываем сегодня то, что раньше скрывалось на задворках общества, в постелях, в умах, в подсознании. Но при этом главное - понять: не сам процесс перехода через запретное прекрасен (табу - начало всякой культуры, оно ни "плохое", ни "хорошее", оно конституирует человеческий этос), а прекрасно то, для чего переходят запретное, цель, во им которой ломается старая система запретов - новый способ организации жизни. И хотя в целях тоже обманываются (от этого никто не застрахован) - все же это нечто иное, чем наглый вседозволяющий нигилизм. В противном случае переход через запретное оборачивается преступлением, а его поэтизация - грязной порнографией.

Пока в молодежной субкультуре заметно желание выплеснуть накопившееся отвращение, чувство гадливости, стремление выместить боль от отчуждения и попорченной социальной справедливости, разорвать на себе рубаху, раздеться.

Но и призыв "дайте нам положительного героя!" звучит сегодня как никогда странно. Советская культура начинает отражать и создавать главным образом то, что хотели бы широкие народные массы. Она становится "массовой", только уже не в идеологическом смысле ("культурно-массовая работа")³. В массе же типичен сегодня вовсе не "положительный" человек. Другими

3. "Народной" советская культура никогда не была, таковой ее хотели иметь партийные идеологи. Однако, по верному замечанию А. и Б. Стругацких, "народ темен, но мудр".

человека старой аскетической закалки может вырвать, когда перед ним с мыслью о славе, деньгах и заграничных вояжах, «разоблачаются» претендентки на титул королевь красоты, а молодого гедониста — от морального стриптиза людей с «непростыми» судьбами, со следами болезней на морщинистых лицах! Созерцание собственной блевотины — горькая неизбежность. Так устроен человеческий организм: глаза у нас спереди, на той же стороне, что и рот. Нельзя винить в этом молодёжь. Надо помочь ей разобраться, чем же она отравилась.

Поэтизация безобразного знаменует собой первый этап очищения — освобождение общества и личности от так называемого «наследия сталинщины». Важно, однако, не остановиться на этом, пойти дальше демонстрации всего, что считалось «постыдным», «гадким», «крамольным», «очерняющим», «оскверняющим». Да, мы открываем сегодня то, что раньше скрывалось на задворках общества, в носителях, в умах, в подсознании. Но при этом главное — понять: не сам процесс перехода через запретное прекрасен (табу — начало всякой культуры, оно не «плохое», ни «хорошее», оно конструирует человеческий этос), а прекрасно то, для чего переходят запретное, цель, во имя которой ломается старая система запретов — новый способ организации жизни. И хотя в целях тоже обманываются (от этого никто не застрахован) — всё же это нечто иное, чем наглый вседозволяющий нигилизм. В противном случае переход через запретное оборачивается преступлением, а его поэтизация — грязной порнографией.

Пока в молодежной субкультуре заметно желание выплеснуть накопившееся отвращение, чувство гадливости, стремление выместить боль от отчуждения и попорченной социальной справедливости, разорвать на себе рубаху, раздеться.

Но в призыв «дайте нам положительного героя!» звучит сегодня как никогда странно. Советская культура начинает отражать и создавать главным образом то, что хотели бы широкие народные массы. Она становится «массовой», только уже не в идеологическом смысле («культурно-массовая работа»)³. В массе же типичен сегодня вовсе не «положительный человек. Другими словами, идеальный образец героя нашего времени, который существует сегодня

³ «Народной» советская культура никогда не была, таковой её хотели иметь партийные идеологи. Однако, по верному замечанию А. и Б. Стругацких, «народ тёмный, но мудрый».

словами, идеальный образец героя нашего времени, который существует сегодня в массовых симпатиях и формирует социально-психологические образцы (портреты) лидеров молодежных элит, не совпадает с образом "положительного героя", который официальной идеологией культивируется семдесят лет. Это - факт, нравится он нам или нет. И с ним надо считаться.

Справедливости ради надо признать, что среди современных героев Вы не найдете и таких, которые соответствовали бы лучшим образцам западной культуры. Где физически здоровые, интеллектуальные мужчины, спокойно занимающиеся любимым делом с перспективой на будущее? Где ~~цветущие~~ здоровые, душевно щедрые и умные женщины, любовно воспитывающие своих детей в семье?

Откуда у нас ~~удивитесь~~ Вы, может взятся такой букет - и физическое здоровье, и ум, и душевная щедрость, и, наконец, правильный образ жизни, если мы (в своей массе) готовы друг другу глотки перерезать из-за куска колбасы, а из-за жилплощади похоронить заживо! Все наши герои, даже если они "прорабы перестройки", немного бесноватые. Впрочем "бальзамные" произведения искусства времен застоя преподносили нам схожий букетик как "правило". Но мы-то знали и знаем: исключение это, а не правило, а может быть и просто ложь. У нас типичен герой, запутавшийся в своих служебных и интимных делах, не совет однозначных с моральной или юридической точек зрения; либо живущий на износ во имя "светлых" идеалов будущего, либо бездумно погрязший в "пороках" (например, стяжательстве, пьянстве, разврате) - оба, разумеется, без ясных перспектив на будущее.

В последнее время, правда, ценностные ориентации молодежи начали меняться в направлении классических образцов западной цивилизации (независимость, личная ответственность, успех, предприимчивость и т.п.). Отсюда - стремление всегда быть в хорошей физической форме, держать слово и делать дело. Но при дефиците общей культуры, культуры чувств, общения и труда это стремление приобретает часто уродливые формы. Появились советские варианты спортивных, аморальных "суперменов" с пустыми холодными глазами - рекетиры, секс-маньяки, а также члены подростковых банд, которые по вечерам воюют между собой, занимаются вандализмом, хулиганством и проч., а днем превращаются в обычных ребят. Объединяет их одно - все они жесткие индивидуалисты-прагматики. Реальной альтернативы им пока не видно. Число их adeптов неуклонно растет.

в массовых симпатиях и формирует социально-психологические образцы (портреты) лидеров молодежных элит, не совпадает с образцом «положительного героя», который официальной идеологией культивируется семьдесят лет. Это — факт, нравится он нам или нет. И с ним надо считаться.

Справедливости ради надо признать, что среди современных героев вы не найдете и таких, которые соответствовали бы лучшим образцам западной культуры. Где физически здоровые, интеллектуальные мужчины, спокойно занимаются любимым делом с перспективой в будущее? Где **цветущее** здоровые, душевно щедрые и умные женщины, любовно воспитывающие своих детей в семье?

Откуда у нас, **удивляетесь вы**, может взяться такой букет — и физическое здоровье, и ум, и душевная щедрость, и, наконец, правильный образ жизни, если мы (в своей массе) готовы друг другу глотки перерезать из-за куска колбасы, и из-за жилплощади похоронить заживо! Все наши герои, даже если они «прорабы перестройки», немного бесноватые. Впрочем, «бальзамные» произведения искусства времен застоя преподносили нам схожий букетик как «правило». Но мы-то знали и знаем: исключение это, а не правило, а может быть и просто ложь. У нас типичен герой, запутавшийся в своих служебных и интимных делах, не совсем однозначных с моральной или юридической точек зрения; либо живущий на износ во имя «светлых» идеалов будущего, либо бездумно погрязший в «попроках» (например, стяжательстве, пьянстве, разврате) — оба, разумеется, без ясных перспектив на будущее.

В последнее время, правда, ценностные ориентации молодёжи начали меняться в направлении классических образцов западной цивилизации (независимость, личная ответственность, успех, предприимчивость и т. п.). Отсюда — стремление всегда быть в хорошей физической форме, держать слово и делать дело. Но при дефиците общей культуры, культуры чувств, общения и труда это стремление приобретает часто уродливые формы. Появились советские варианты спортивных, аморальных «суперменов» с пустыми холодными глазами — рэкетеры, секс-маньяки, а также члены подростковых банд, которые по вечерам воюют между собой, занимаются вандализмом, хулиганством и проч., а днём превращаются в обычных ребят. Объединяет их одно — все они жесткие индивидуалисты-прагматики. Реальной альтернативы им пока не видно. Число их адептов неуклонно растёт.

У этой проблемы есть и другой, более глубокий срез, — рождение в муках нового культурно-антропологического

У этой проблемы есть и другой, более глубокий срез, - рождение в муках нового культурно-антропологического типа человека. Речь идет конечно, не об идеологическом гомункулусе, homo soveticus, "сформировать" который не удалось и не удастся (природа человека не бесконечно податлива), а о типе человека с новой структурой витальных влечений, симпатий и антипатий, страхов и надежд. Рождается тип человека не с "лучшим" или "худшим", чем у предшественников, мировосприятием, но с другим. Новое чувство реальности у молодежи чревато новой социальной реальностью.

Именно поэтому я считаю воспевание безобразного не проявлением гоголого нигилизма (хотя отрицание в нем доминирует). В поле всеобщего внимания и общественного интереса попадают "новые", ранее прятанные - "противоправные" или "постыдные" - реалии человеческого бытия. Они, конечно, и раньше были, но о них не принято было говорить как о существующих. С ними жизнь становится полнокровнее, хотя и трудней.

Аскетический сталинистский этос, по которому ударил Хрущев и который медленно разлагался при Брежневе, теперь официально отправлен на заслуженную пенсию. Но неблагодарные потомки, эти индивидуалисты и скептики, гедонисты и прагматики, готовы отправить его на тот свет. Прежде чем сделать это, они с игривой, иногда циничной улыбкой безжалостно перемывают косточки тому, что для рядового человека "старой формации" было свято и неприкасаемо. Другими словами - безобразничают. "Что может быть прекраснее безобразного?!", как бы спрашивают они, обрядившись в крыс, ворон и тараканов, ползающих по свалке истории в поисках духовной пищи. Хочется ответить: только само прекрасное. Но будет ли это корректно, если смысл, вкладываемый в понятие прекрасного, изменился вместе с мерой, на основании которой различают "прекрасное" и "безобразное".

типа человека. Речь идет, конечно, не об идеологическом гомункулусе, homo soveticus, «сформировать» который не удалось и не удастся (природа человека не бесконечно податлива), а о типе человека с новой структурой витальных влечений, симпатий и антипатий, страхов и надежд. Рождается тип человека не с «лучшим» или «худшим», чем у предшественников, мировосприятием, но с другим. Новое чувство реальности у молодёжи чревато новой социальной реальностью.

Именно поэтому я считаю воспевание безобразного не проявлением голого нигилизма (хотя отрицание в нём доминирует). В поле всеобщего внимания и общественного интереса попадают «новые», ранее прятавшиеся — «противоправные» или «постыдные» — реалии человеческого бытия. Они, конечно, и раньше были, но о них не принято было говорить как о существующих. С ними жизнь становится полнокровнее, хотя и труднее.

Аскетический сталинский этос, по которому ударил Хрущёв и который медленно разлагался при Брежневе, теперь официально отправлен на заслуженную пенсию. Но неблагодарные потомки, эти индивидуалисты и скептики, едонисты и прагматики, готовы отправить его на тот свет. Прежде чем сделать это, они с игривой, иногда циничной улыбкой безжалостно перемывают косточки тому, что для рядового человека «старой формации» было свято и неприкасаемо. Другими словами — безобразничают. «Что может быть прекраснее безобразного?!», как бы спрашивают они, обрядившись в крыс, ворон и тараканов, ползающих по свалке истории в поисках духовной пищи. Хочется ответить: только само прекрасное. Но будет ли это корректно, если смысл, вкладываемый в понятие прекрасного, изменился вместе с мерой, на основании которой различают «прекрасное» и «безобразное».

Отлично!

Александр Николаевич!

Мне очень понравилась твоя миниатюра. Сама идея артикуляции безобразного в культуре задает очень интересный ракурс абаящения кокоркуматуры как видности того же самого дерева, пригнен видности в саром тети-вском смысле: Совершенно светлая орашанная-белая. Отличная мысль, что это первый этап преодоления - осознание и рационализация боли, как в психоанализе.

Вероятно, текст написан тобой с ~~хоту~~ ходу, поэтому мне понравилось, что композиционно он сводит. Я предложил сокращения. Помогает, может быть, что-нибудь покажется тебе полезным. Советую снять обращение и написать - "Вы", а также первое лицо - "Я".

В газету твое эссе приложить трудно. Попробуем в "Новое время" и в "СЦ".

Во всяком случае, об этом поговорим при встрече.

В. Г. Б. 11.04.89

Александр Николаевич!

Мне очень понравилась твоя миниатюра. Сама идея артикуляции безобразного в культуре задает очень интересный ракурс объяснения контркультуры как видимости того же самого дерьма, причём видимости в старом гегелевском смысле: *scheinen* светится отраженным светом. Отличная мысль, что это первый этап преодоления — осознание и рационализация болезни, как в психоанализе.

Вероятно, текст написан тобой с ходу, поэтому мне показалось, что композиционно он сырой. Я предложил сокращения. Посмотри, может быть, что-нибудь покажется тебе полезным. Советую снять обращение к читателю — «Вы», а также первое лицо — «я».

В газету твоё эссе пристроить трудно. Попробуем в «Новое время» и в «СИ».

Во всяком случае, об этом поговорим при встрече.

Батыгин

28.04.89